

ВАЛЕНТИН ДЖУМАЗАДЕ

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ

По совести и закону

Уже при первых встречах капитан милиции Гусейнов показался Олегу человеком замкнутым и жестким. Он был среднего роста, но широченные плечи и мощный торс впечатляли настолько, что их обладатель казался более высоким. Движения его были нарочито медлительными, тщательно выверенными и четкими. Говорил он густым басом, никогда не повышая голоса и редко меняя интонацию. На всегда невозмутимом, бронзовом от загара лице, ярко контрастировавшем с иссиня-белой сединой волос аккуратной прически, от правого виска по щеке и до самого подбородка пролегала рваная извилистая линия шрама, придававшего ему довольно суровый и даже устрашающий вид. Уже потом Олег отметил для себя, что, когда Гусейнов начинал нервничать, эта ниточка становилась матовой. Глаза капитана смотрели из-под густых бровей с легким прищуром, задумчиво и устало-отстраненно, как бы давая понять, что уже ничто на свете не может их удивить.

Приказом начальника Кировского районного отдела внутренних дел на основании действующего положения, регламентирующего работу с молодыми сотрудниками, капитан Гусейнов, как один из опытнейших работников, был назначен наставником вновь прибывшему лейтенанту Олегу Аскерову, и по сему случаю им предстояло обсудить программу воспитательно обучающих действий на календарный год, имеющих целью максимально ускорить процесс профессионального становления последнего. Оба они прекрасно осознавали, что персональное наставничество носит довольно формальный и заорганизованный характер, и спущенные сверху заумные, далекие от жизни методички были тому еще одним очевидным свидетельством, а предлагаемые в них воспитательные мероприятия вызывали только скептические улыбки. В отделении уголовного розыска по штату числились всего шесть человек, и молодой инспектор с первого дня, без всяких на то указаний, был окружен опекой и истинно дружеской поддержкой старших коллег, за плечами каждого из которых было не менее полутора-двух десятков лет оперативной работы.

Гусейнов небрежно полистал методичку, покрутил в руках копию приказа, биографическую справку-объективку на лейтенанта. Читать там было нечего: школа, университет, армия. Служба в органах внутренних дел едва началась. Только потом, по истечении времени, дотошными кадровиками будут скрупулезно заноситься в личное дело офицера изменения, происходящие в семейном положении, отметки о перемещениях по должности и месту службы, наложенные взыскания и объявленные поощрения, записи о присвоении званий, наградах и ранениях.

– Вот что, – прервал, наконец, затянувшееся молчание капитан, устремив долгий, неподвижный, испытывающий взгляд на подшефного, – вы только что успешно завершили курсы первоначальной подготовки в Омской высшей школе МВД. Цели и задачи, стоящие перед уголовным розыском, вы осмыслили. Как говорится, теоретически подкованы, теперь предстоит опробовать эти подковы на практике, то бишь в

деле, и по ходу набираться опыта. Так ведь? – и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Коллектив у нас дружный, а как иначе, без спайки, взаимодействия и самоотдачи в нашей службе нельзя. Можешь положиться на каждого. Ты у нас уже две недели и, думаю, имел возможность присмотреться к людям, прочувствовать атмосферу. Не стесняйся обращаться за помощью к любому из нас, в том числе и ко мне. Если смогу быть полезен и понадобятся мои знания и опыт, будь уверен, я в твоём полном распоряжении. Напоследок хочу дать тебе совет: профессионализм – это важный козырь, но он всегда должен находиться в неразрывной связи с совестью и законом. Поэтому поступай всегда по совести, строго основываясь на законе.

На этом первое занятие было завершено, а последующие уроки профессионального мастерства проходили вне какого-либо расписания, непосредственно в процессе работы, полной различных неожиданностей, стрессовых ситуаций, неприятных и непростых испытаний. Дежурства, экстренные вызовы на места происшествий, нескончаемая череда оперативно-розыскных мероприятий, направленных на раскрытие преступлений, розыск и задержание преступников, бессонные ночи, погони, засады накрепко сплелись в единое целое и монотонно перетекали изо дня в день. Дни пролетали стремительно, все сильнее затягивая в как бы головокружительную гонку по спирали или по кругу трека с перманентным увеличением и так уже запредельной скорости. Этот жесткий служебный ритм захватывал настолько, что порой начинало казаться, будто вся остальная жизнь существовала только в качестве его фона.

Тогда, именно в первый год службы, под влиянием скопившейся усталости, систематического недосыпания и не спадающего напряжения моральных и физических сил, давлением жизненных неурядиц и неудач Аскерова не раз посещала предательская мысль сбросить скорость, внимательно, неспешно присмотреться к окружающему миру, прислушаться к происходящему вокруг и, не исключено, уйти с дистанции, оставив позади эту странную, изматывающую душу работу. А потом начать новую жизнь. Иметь нормированный рабочий день, обеденные перерывы, загодя планировать свое свободное время, загородный отдых, отпуск, проводить выходные и праздничные дни в кругу близких, а не вскакивать по ночам по тревоге, не заступать на бесконечные дежурства, связанные с постоянными объявлениями вариантов усиленного несения службы, а тем паче казарменного положения.

Но недовольство собой, внутренний ропот как-то угасали сами собой в этом бешеном, захватывающем спурте, и все оставалось по-прежнему. Он и сам не мог разобраться, почему. То ли уже окончательно втянулся в этот беспокойный ритм, своеобразную службу, изобиловавшую опасностями, постоянным риском и валом адреналина, а может, просто не отпускала инерция.

С наставником они быстро сдружились, у него было чему поучиться как в плане профессионализма, так и житейской мудрости. Из рассказов старших товарищей Олег постепенно узнавал о капитане много интересного и поучительного. О нем все отзывались очень уважительно, ценя его человеческие качества и самоотдачу в работе.

Гусейнов прошел дорогами войны тысячи километров от предгорий Кавказа до Берлина. На фронт он попал рядовым курсантом Бакинского пехотного училища. Боевое крещение получил совсем еще мальчишкой в тяжелейших оборонительных сражениях, которые советские войска вели против превосходящих сил гитлеровцев. После первых же боев его в числе лучших курсантов, прибывших с пополнением, включили в состав заградительного отряда стрелковой дивизии. Это был резерв командира соединения, и его бросали на самые уязвимые участки обороны отражать

прорывы танковых подразделений фашистов, сопровождаемых пехотой. В бою под Моздоком он был ранен, но вскоре вернулся в строй и продолжал сражаться уже в составе роты противотанковых ружей, зарекомендовав себя умелым, отважным бойцом, никогда не терявшимся и сохранявшим самообладание даже в крайне сложных ситуациях. В тяжелейших кровопролитных схватках рос его боевой опыт, как и число уничтоженных танков врага. Не случайно вскоре его назначили командиром взвода ПТР, и прямо на передовой, непосредственно в окопах, ему были вручены первые офицерские погоны. А впереди была Курская битва, где его бронбойщики, проявив мужество и стойкость, внесли свой вклад в разгром огромной группировки фашистов, сорвав несколько массированных танковых атак. Потом освобождали земли Украины, Белоруссии. Ратный путь молодого офицера был отмечен несколькими боевыми наградами. В 1944 году его, как опытного, отважного офицера, хорошо зарекомендовавшего себя в сложнейших ситуациях, направили для дальнейшего прохождения службы командиром взвода в штрафную роту.

Штрафников бросали на самые сложные, наиболее укрепленные участки оборонительных позиций гитлеровских войск для прорывов или, как обычно говорили, «пробоев», и они шли в отчаянные атаки под шквалом встречного губительного огня, ценою огромных потерь взламывали оборону противника, открывая путь основным силам наших наступающих войск. Народ во взводе был непростой, с нелегким прошлым, трудными, изломанными судьбами, среди которых было немало бывших уголовников, освобожденных из мест лишения свободы по амнистии и призванных в армию, но совершивших повторные преступления, а также военнослужащие, допустившие серьезные нарушения дисциплины и устава. Каждый бой мог принести им прощение в виде искупления вины, будь то смерть на поле брани или ранение.

Молодой командир относился к ним по совести и справедливости, в строгом соответствии законам военного времени. Несмотря на возраст, а многие из подчиненных годились ему в отцы, его уважали за мужество, решительность, стойкость и умение смотреть в лицо опасности. Он рисковал жизнью наряду с ними и вел их за собой в атаку, не будучи штрафником. Офицеры штрафных рот славились отчаянной смелостью, и не случайно каждый их фронтовой день засчитывался за шесть.

Победу Гусейнов встретил в Берлине. На выдавшей виды гимнастерке старшего лейтенанта было одиннадцать боевых орденов и медалей и четыре нашивки за ранения, два из которых тяжелые. А выслуга лет незначительно уступала его возрасту.

Демобилизовавшись, он вернулся в родной Баку, планировал работать на судостроительном заводе, мечтал стать инженером, но судьба распорядилась иначе. Его, как бывалого офицера-фронтовика, направили на службу в органы внутренних дел, и пришлось сменить армейскую форму на мундир солдата правопорядка. Армейская выучка, самодисциплина, богатый фронтовой опыт, аналитический ум помогли ему быстро войти в курс дела, и на протяжении всей своей службы он входил в число лучших сотрудников. В конце сороковых-начале пятидесятых годов его неоднократно внедряли в бандитские группы для их последующего разоблачения и ликвидации. На его счету было множество раскрытых тяжких уголовных посягательств, предотвращенных правонарушений, сотни задержанных особо опасных преступников.

Олег работал уже второй год, период наставничества над ним остался далеко позади, но отношения со старшим товарищем только крепли. Лейтенант не переставал удивляться его работоспособности, интуиции, оперскому чутью принимать верные решения в экстремальных ситуациях, а главное, умению слушать и

понимать людей, сопереживать им, напрочь игнорировать пустые условности во взаимоотношениях в обществе, нередко посягающие на истинные человеческие ценности в желании их подменить. Честность, добросовестность, принципиальность, ответственность были для Гусейнова неизменным жизненным вектором.

В 1975 году, к Дню Победы, ветерану Великой Отечественной войны было присвоено звание майора милиции, и Олег был очень рад за него. А спустя несколько месяцев Гусейнов стал готовиться к отставке. С годами все чаще давали о себе знать старые раны, особенно простреленные ноги, труднее становилось ходить.

В РОВД, по сложившейся доброй традиции, готовились в торжественной обстановке проводить ветерана, отдавшего службе несколько десятков лет жизни и внесшего свой весомый вклад в дело охраны общественного порядка.

График дежурств на каждый месяц составлялся в конце предшествующего месяца, и случилось так, что дежурство Гусейнова совпало с днем получения приказа об его увольнении. Его хотели подменить, чтобы избежать этой досадной накладки, но он категорически отказался: «Я на дежурство уже заступил и сдам его, как положено, завтра своему сменщику!»

Следующим в графике был Олег. Утром они встретились в дежурной части РОВД, перекинулись несколькими словами об оперативной обстановке, обсудили ряд рабочих вопросов, и лейтенант заступил на дежурство. Гусейнов же заторопился домой, чтобы переодеться и успеть к совещанию личного состава, посвященного его проводам, назначенному на двенадцать часов.

Олег по обыкновению принялся изучать суточное донесение, но в этот момент поступило сообщение об убийстве. Следственно-оперативная группа, не задерживаясь, собралась у машины, загудел мотор, и они собирались уже выезжать, когда вдруг перед ними возникла фигура Гусейнова.

– В чем дело, Олег? – спросил он.

– Убийство, товарищ майор.

– Я с вами, – без дальнейших расспросов сказал, как отрезал, майор и уселся на заднее сиденье.

На месте выяснилось, что неизвестный напал на мужчину средних лет, собиравшегося выехать из гаража. Преступник пытался завладеть автомобилем, но встретив сопротивление хозяина, застрелил его. На шум выстрела прибежали соседи. Убийца хотел уехать на автомобиле, но мотор заглох, и тогда он, угрожая оружием, бросился бежать в сторону маслиновой рощи.

Выслушав сбивчивые рассказы взволнованных очевидцев, Гусейнов приказал Олегу, не теряя времени, организовать преследование вместе с младшим инспектором-кинологом и служебно-розыскной собакой. Для осмотра места происшествия оставались следователь и эксперт-криминалист. А сам майор, неожиданно для всех, вместе с водителем заскочили в УАЗ и, резко развернувшись, уехали.

Овчарка сразу взяла свежий след, и немолодой инспектор-кинолог явно не поспевал за ней. Олег, на ходу перехватив у него длинный поводок, прибавил скорость, и собака, чувствуя свободу и близость убегающего преступника, неудержимо рванулась вперед. Они пробежали еще километра полтора по густо засаженной оливковыми деревьями роще. Кинолог безнадежно отстал, и Олег стал опасаться, что собака сбилась и ведет по ложному следу, уж больно резво она неслась. Они миновали небольшой овраг, откуда начинался не крутой, но затяжной подъем. Побежали по нему, и в этот момент прогремели два выстрела, а над головой просвистели пули. Лейте-

нант залег, перевел дыхание, достал пистолет, снял предохранитель и случайно, на долю секунды, ослабил руку на поводке. Этой оплошности было достаточно, чтобы возбужденная азартом погони овчарка вырвалась, стремительно помчалась вверх и исчезла в кустах, откуда прозвучали три выстрела, и раздалось жалобное повизгивание. Олег на одном дыхании добежал до кустов и увидел убегавшего зигзагами преступника. Расстояние между ними увеличивалось. Вот он, согнувшись и помогая себе руками, преодолел последние метры подъема. Лейтенант из последних сил принял изнурительный рывок. Убийца скрылся из виду, и надо было во что бы то ни стало догнать его и обезвредить. Тяжело дыша, он достиг, наконец, вершины и опешил от неожиданности, увидев перед собой своего наставника, а неподалеку, у милицейской машины, задержанного преступника под охраной водителя.

– Как вы догадались, товарищ майор, что он побежит именно в этом направлении? – вырвалось у лейтенанта.

– Это просто. Он же понимал, что рошу скоро оцепят, а это самый кратчайший путь к карьере, а за ним автотрасса, – ответил майор. – А что там у вас стряслось, слышишь, как собака скулит?

– Джек ранен.

– Тогда быстрее беги назад, несите его сюда!

Олег застал расстроенного кинолога с раненой собакой на руках. Лейтенант сбросил куртку и расстелил на траве. Помогая друг другу, они быстро преодолели подъем. Бережно уложив овчарку на заднее сиденье, кинолог, выругавшись, яростно подскочил к преступнику и замахнулся на него, но, поймав на себе негодующий взгляд майора, съежился, как от удара, и повернул назад.

Лицо Гусейнова оставалось спокойным, но шрам на лице стал **матовым**, и Олег знал, что это плохой знак. Выполняя указание майора, они усадили задержанного в специально оборудованный отсек за задним сиденьем, тогда как Гусейнов с видом, не предвещавшим ничего хорошего, отойдя в сторону, закурил. Лейтенант подошел к нему, желая разрядить ситуацию. Ему было жалко старшего сержанта, потерянно сидевшего в УАЗике и что-то нашептывавшего Джеку.

– Все готово, товарищ майор, можем ехать, – подчеркнуто бодро доложил Олег и, не дожидаясь ответа, негромко добавил, – простите его, ведь по совести он поступил правильно. Джек для него не просто собака, а друг. Да и я перед ним виноват, поводок-то был у меня, а я не удержал. Торопились очень, боялись, уйдет. Я ведь не знал, что вы преступнику уже путь отрезали.

– Не переживай, вы сделали все правильно, плотно и настойчиво его преследовали, не давали времени на размышления и передышку, вымотали основательно. Я едва успел, прибыл сюда минут за пять до вашего финиша. Обезоружить его ничего не стоило, сказались усталость и эффект неожиданности. А Джек, я думаю, скоро поправится и вернется на службу, – сказал майор, сделав еще одну глубокую затяжку и затушив сигарету. – Вот и закончилась моя служба, лейтенант. У тебя все впереди, и, поверь мне, еще будет немало серьезных поводов задуматься как о совести, так и о законе, их никогда нельзя разделять и поддаваться эмоциям.

С этими словами он дружески подтолкнул своего воспитанника к машине.

Торжественное собрание в Кировском районном отделе внутренних дел началось несколько позже назначенного времени. Все собравшиеся сотрудники знали, что виновник торжества опоздал по объективной причине, но такова уж специфика милицейской службы.

ШИХОВСКИЙ ПЛЯЖ

Правду говорят люди о сильно изменившейся за последние десятилетия погоде. Джафар хорошо помнил, как в шестидесятые годы вместе с одноклассниками уже в марте – начале апреля убегали с последних уроков на шиховский пляж. Яркое весеннее солнце радовало душу, и охватывало непреодолимое желание побыстрее окунуться в еще довольно прохладное, но такое желанное море. Прозрачная, чистая вода, мягкое песчаное дно, деловито снующие у берега серебристые стайки рыбок, величественное парение чаек оказывали умиротворяющее воздействие.

Забыв обо всем на свете, мальчишки подолгу плавали, вдоволь ныряли с эстакады, с прибрежных скал, а потом бросались навзничь на горячий песок и блаженно замирали. Возвращались с пляжа в приподнятом настроении, обгорелые и счастливые, полные радостных впечатлений. По дороге домой нетерпеливо договаривались о будущих поездках. К официальному началу купального сезона, а открывался он 1 мая, Джафар с друзьями могли похвастаться устойчивым бронзовым загаром. Они чувствовали здесь себя полноправными аборигенами, ловя на себе завистливые взгляды сверстников и немного снисходительно поглядывая на белотелых, осторожно ступающих по горячему песку новичков-отдыхающих.

День ото дня пляж становился все более многолюдным и многоликим. Часов с семи, а иногда и пораньше, первыми сюда прибывали пенсионеры, бабушки с внуками, молодые мамы с малышами. Чуть позже пляж уже напоминал детский сад на выезде. Неугомонный радостный ребячий гомон заполнял все пространство как на суше, так и в воде. Под неослабным присмотром взрослых детишки, резвясь, бегали по песочку, купались, загорали, а в промежутке с аппетитом поглощали фрукты, пили чай с бутербродами, ели мороженое. После двух-трех часов пребывания ранние купальщики, пока солнце еще оставалось по-утреннему мягким, начинали собираться домой, чтобы не обгореть. На некоторое время на пляже становилось тише и менее многолюдно. В период с двенадцати и примерно до трех часов под полуденными горячими лучами солнца пляж замирал, и только его завсегдатаи, к которым относились и Джафар с друзьями, продолжали плавать и загорать как ни в чем не бывало. А затем, примерно к пяти часам, народ начинал интенсивно прибывать, и ближе к вечеру яблоку негде было упасть. Приезжали целыми семьями, дружными бакинскими дворами, малыши, молодежь, люди среднего и преклонного возраста. Отдыхали активно, помимо плавания, играли в бадминтон, шахматы, настольный теннис. На футбольных и волейбольных полях начинались захватывающие матчи. Почитатели спортивной гимнастики собирались на специально оборудованных площадках с турниками, брусьями, кольцами. Любители борьбы устраивали схватки прямо на песке, заменявшем импровизированный ковер. Настроение у всех было приподнятое, праздничное, и, казалось, здесь собрались давние знакомые. Люди самозабвенно отдыхали, наслаждались общением, мир казался им таким же добрым и улыбчивым, как лица окружающих. Обстановка приподнятости, общей открытости располагала к беседам, шуткам, знакомствам. По праву, это была территория взаимопонимания, доброжелательности, общей радости и счастья, готовности любить окружающий мир.

Естественно, что полнейший аншлаг наблюдался в субботу и воскресенье. Тогда место в тени, под навесом или деревьями найти было нелегко. Но люди с готовностью теснились как могли, дружелюбно подшучивая над теми, кто, не успев еще как следует искупаться, уже обгорал до красноты. Им наперебой заботливо со-

ветовали, как обойтись в этом случае минимальными потерями.

Любимый бакинцами шиховский пляж. О нем с детства знал каждый горожанин, поскольку он был самым доступным во всех отношениях. Пляж находился в пятнадцати минутах езды от самого центра. С площади Азнефть один за другим шли маршрутные автобусы и троллейбусы. Проезд всего за пять, а на экспрессе десять копеек. Неплохо работал общепит с общедоступными свежими пятикопеечными бубликами, булочками и минеральной водой по десять копеек. Джафару как-то довелось прочитать в вечерней газете «Баку», что в нерабочие дни шиховский пляж посещают обычно свыше десяти тысяч отдыхающих. На каникулах в школьные и студенческие годы Джафар порой проводил здесь целые дни, общался с друзьями, много плавал, играл в футбол, волейбол и обязательно брал с собой что-нибудь почитать. Он причислял себя к завсегдатаям пляжа.

У них сложилась веселая, дружная, бесшабашная компания молодых парней и девушек, спортсменов, студентов разных вузов, выделявшихся своим неизменным превосходством над соперником на спортивных площадках. Ну, конечно же, еще и загаром, свидетельствующим о том, что его обладатель с завидным постоянством посещает пляж. То есть проводит здесь все свободное от учебы, работы и тренировок время. Знаменита была эта группа еще и своими заплывами далеко за полосу прибоя, что вызывало большой интерес и любопытство у отдыхающих и беспокойство службы спасателей. При этом пловцы проявляли своеобразную дисциплинированность. Правила поведения на воде, во избежание конфликтов со спасателями, они не нарушали, так как дальние заплывы совершали далеко за пределами охраняемой пляжной зоны, как они между собой говорили, на чистой воде вольного моря.

Обычно заплыв продолжался около часа, удалялись примерно на пятьсот-семьсот метров от берега. Плавали разными стилями, отдыхали на спине и возвращались на берег в районе скал в каком-то особенно приподнятом настроении. Спасатели, в подавляющем большинстве бывшие спортсмены, хорошо их знали лично. В заплывы не вмешивались, терпеливо наблюдали со своих вышек в бинокль и облегченно вздыхали, видя их выходящими на берег. Сюда же посмотреть на пловцов частенько подходили многочисленные отдыхающие, восхищенные красивыми, но крайне рискованными, на их взгляд, заплывами.

Как давно это было, сколько лет, а вернее десятилетий минуло, неожиданно для себя ужаснулся Джафар. Все разительно изменилось, к сожалению, существенно похолодало не только на море... Видимо, оттого и на пляж совсем не тянет.

Джафар тоскливо смотрел с балкона во двор, тесно заставленный машинами и переполненными мусорными баками. В последнее время он все реже выходил из дома, охваченный чувством подавленности, буквально витавшим в воздухе, поэтому удивился своему неожиданному желанию прогуляться по городу.

В центре стояла нестерпимая жара. Пространство между кичливыми, разномастными высотками, создавая мрачное ощущение, напоминало каньон. Натужно гудел моторами городской транспорт, сбившийся в пробки и взрывающийся пронзительными звуковыми сигналами и криками раздраженных, озлобленных друг на друга водителей, невольных товарищей по несчастью. Они показались Джафару владельцами железных мустангов, насчитывавших сотни лошадиных сил, количество которых было показателем значимости городских мустангеров.

Преодолев подземный переход, Джафар, недоуменно поглядывая по сторонам, медленно побрел по бульвару, сменившему свою патриархальную, расслабленную

тишину и тенистость аллей на гроыхание одиозных развлекательных аттракционов и нескончаемую массу примитивных торговых точек разного калибра, с одинаково заоблачными ценами.

Он давно здесь не был и неприятно удивился увиденному. Непроизвольно ускорив шаг, Джафар дошел до Азнефти, где ведомый каким-то неосознанным решением неожиданно для себя вошел в автобус, следовавший через Шихово в поселок Локбатан. Он не мог объяснить, зачем ему вдруг понадобилось это сделать, почему это пришло ему в голову. Но думать об этом, копаться в собственных неосознанных чувствах ему не хотелось. В дороге сидел молча, в напряженном ожидании своей остановки. Когда, наконец, автобус прибыл на место, он был единственным, кто из него вышел. Ступив на землю и пройдя, как в тумане, несколько шагов, Джафар внимательно осмотрелся и немного растерялся от того, что окружающая обстановка оказалась совершенно незнакомой. Обступившие его глухие стены, за которыми возвышались вычурные строения, напрочь дезориентировали. Море вообще не было видно. Проплутав какое-то время, он неожиданно натолкнулся на шлагбаум и увидел, наконец, блеснувшее под лучами заходящего солнца море. Облегченно вздохнув, Джафар устремился в ту сторону. Но тут за спиной выстрелом прозвучал грубый окрик, и он в недоумении оглянулся.

– Куда идешь? Там пляжная зона.

Хамовитая манера обращения резанула, как скальпелем, но он сдержался, желая пройти дальше, избежав конфликта. Невозмутимо посмотрев на окрикнувшего его верзилу, он как можно спокойнее, укоризненно ответил:

– Я иду на пляж. Вон, впереди море.

– Тогда плати деньги. Ты что, не знаешь, что пляж платный?

Только сейчас Джафар вспомнил, что как-то слышал разговоры о платных пляжах, но не поверил. Даже на фоне творящегося беспредела, именуемого рыночными отношениями, у него в голове никак не укладывалась даже гипотетическая возможность торговать солнечными лучами и морской водой.

– Я не собираюсь купаться, – как можно спокойнее произнес он. – Пройду, посмотрю на море, подышу воздухом и вернусь назад.

Охранник посмотрел на него с нескрываемой злобой и, наслаждаясь ощущением собственной власти, презрительно процедил:

– Я сказал, нельзя, иди отсюда. Бесплатно дышать будешь в другом месте.

Высказывать свое справедливое негодование этому скоту не имело никакого смысла. Опыт последних лет подсказывал Джафару, что лучше не ввязываться в конфликт, хотя очень хотелось одернуть наглеца. Бессмысленно звать к совести тех, у кого ее нет. Этому небритому, развязному типу ничего не стоило начать драку, не глядя ни на возраст, ни на седины. Это продукт новой эпохи стяжательства и агрессивности. Он никогда бы не понял, что десятки лет назад здесь все было по-другому.

Джафар молча вернулся к автобусной остановке, его охватила нервная дрожь. Чтобы успокоиться, решил пройти пешком в сторону города пару остановок и лишь потом сесть в автобус. Поглощенный своими невеселыми мыслями, он преодолел какое-то расстояние и, вдруг справа, между строениями, мелькнула до боли знакомая узкая полоска моря. Джафар мгновенно узнал этот береговой участок со скалами, откуда они совершали свои заплывы. Значит, их еще не приватизировали, с горькой иронией подумал он, и ноги сами понесли в их сторону. Так, к неопишуемой радости, он оказался на хорошо знакомой с детства кромке скалистого берега.

У него даже перехватило дыхание, и он, словно оцепенев, неотрывно вглядывался в морскую даль. Представив далеко ушедшее прошлое, валом нахлынули воспоминания. Подумал, что без малейшего сожаления, не задумываясь, отдал бы оставшиеся годы жизни, чтобы хотя бы на несколько минут вернуться в то время. Увидеть глаза и улыбки друзей, ощутить ту уверенность в завтрашнем дне, с которой они тогда жили. Под влиянием приятных воспоминаний вкралась озорная мысль, а что, если искупаться, тем более, что вода к вечеру всегда теплая. О нырянии со скалы не могло быть и речи. Он стал подыскивать удобный спуск к воде, когда неожиданно до него донесся чей-то голос:

– Идите сюда. Тут в расщелине между скалами удобный спуск к воде.

Джафар оглянулся, в непосредственной близости от него, как он только его раньше не заметил, на камнях расположился мужчина примерно его лет, круглолицый, в очках и с короткой бородкой. Он махал рукой и приветливо улыбался.

– Спасибо, – ответил Джафар и, подойдя к нему, представился.

Незнакомец встал, с готовностью протянул руку для рукопожатия и назвал себя – Михаил. Это был человек среднего роста, с внимательным взглядом и учтивыми манерами. Сняв тенниску и брюки, Джафар осторожно, чтобы не поскользнуться на скользкой поверхности скалы, осторожно вошел в воду. Проплыв с десятков метров, повернул обратно и с трудом выбрался обратно на скалу. Новый знакомый, как и он, видимо, попал на пляж случайно. Об этом свидетельствовали лежавшие рядом с дорожной сумкой аккуратно уложенные костюм, сорочка и галстук.

– Ну, как водичка? – спросил Михаил.

– Прохладная, – односложно ответил Джафар, успевший пожалеть, что не воспротивился соблазну искупаться. Не учел, что теперь придется идти домой в мокрых трусах. Этого не хотелось, а перспектива долгого ожидания, пока они высохнут, тоже не радовала. Он вздохнул и досадливо покачал головой.

– Вы чем-то расстроены? – нарушил молчание Михаил. – Отвлекитесь от своих мыслей, и давайте вместе перекусим.

Не дожидаясь ответа, он извлек из сумки пакет, расстелил на камнях полиэтиленовую салфетку, сноровисто, по-хозяйски разложил на нее половинку батона, помидоры, огурцы, пару вареных яиц, тонко нарезанные кусочки колбасы и сыра. Импровизированную сервировку завершил синим пол-литровым термосом.

Джафар попытался отнекиваться, но потом посчитал, что его упорство может обидеть человека и, поблагодарив, уселся рядом.

– Вы немного обгорели, – участливо произнес он, встретившись глазами с Михаилом.

– Да, – охотно ответил тот. – Есть чуток, не смог удержаться, слишком заманчиво было желание искупаться и позагорать. Мне эти места памятли с детства. Жалко, что все вокруг обезобразили заборами. Что называется, приватизировали. Я когда сюда ехал, совершенно не планировал купаться. Хотелось посмотреть на море, побродить по берегу и по нему же выйти к скалам. Но дело оказалось невыполнимым. Стены, охранники, шлагбаумы, рычание сторожевых собак сразу развеяли мой романтический настрой. Такое невозможно даже представить себе. Сюда вышел совершенно случайно, проплутав какое-то время в полной прострации. В прежние времена обычно на шиховском пляже было очень много народа. Мы с ребятами всегда договаривались встретиться именно на скалах. Здесь у нас была своеобразная точка сбора. И уже отсюда расходились кто куда. Одни рыбачили, другие купались, третьи

просто бродили по пляжу, подключались к спортивным турнирам. В городе, бывало, встречались на Торговой или у кинотеатра «Низами». Раньше часто шутили, что Баку маленький, оттого все друг друга знали. Я вчера приехал, посетил могилы родителей. Сегодня, только вышел в город, сразу потянуло сюда, – продолжил словоохотливый Михаил. – Захотелось побыть наедине со своими мыслями. На воде, как известно, следы не остаются, но, глядя на нее, многое приходит на память. Здесь я ощутил себя как-то необычно, почувствовал дыхание прошлых лет, а вернее той, уже безвозвратно ушедшей жизни. – Михаил замолчал и после длительных раздумий продолжил. – Мои воспоминания навеяли такую грусть, что мне вдруг очень захотелось, чтобы кто-то пришел, ибо исподволь меня охватило какое-то жуткое отчаяние, одиночество. Не представляете, как обрадовался вашему внезапному появлению.

Сочувственно улыбнувшись, Джафар дружески дотронулся до собеседника.

– Мне тоже по душе наша встреча.

Михаил растроганно посмотрел ему в глаза.

– Я с ностальгией вспоминаю наш город, из которого уехал более тридцати лет назад. Свою девятую первую школу, политехнический институт, завод, на котором начинал трудовую деятельность. Вспомнил родной двор, одноклассников, спортивную секцию в «Динамо», посещение концертов в «Зеленом театре», шахматный клуб на бульваре, библиотеку имени Ахундова, где готовились к экзаменам, выпускной вечер и гуляние по ночному городу, а потом пляж.

Он говорил, а перед глазами Джафара, как в кино, проходили кадры из жизни Михаила, и они были поразительно похожи на его собственную. «Мы наверняка должны были не раз встретиться, – подумал он. – Возможно, в автобусе, библиотеке, на Торговой, в драмтеатре, на стадионе, да бог его знает, где еще. В конце концов, на пляже. Молодежь тогда любила проводить свободное время в центре города, пойти в кино, неторопливо прогуляться по бульвару. Квартирные телефоны были тогда не у всех, но обходились легко. Назначали встречи у институтов, кинотеатров, на перекрестках центральных улиц. При необходимости, без осложнений находили друг друга, благо, обязательность и пунктуальность очень ценились».

– Знаете, – прервал затянувшееся молчание Михаил. – Когда я бывал на пляже, то обычно приходил сюда. Во-первых, вода рядом, ныряй прямо со скалы, а во-вторых, не так шумно. Здесь обычно располагалась группа спортсменов. Крепкие, веселые ребята, человек двадцать. Мне нравилось наблюдать, как они, бывало, заплывали далеко от берега. Сам я с детства – очкарик, плохо плавал и всегда смотрел на них с некоторой завистью. Они плавали разными стилями и чувствовали себя в воде очень уверенно. Я не решался подойти познакомиться, поскольку был младше лет на пять. Поверьте, не знаю, почему, но, придя сюда, я сразу про них вспомнил. Веселые, дружелюбные, загорелые парни и девушки, полные сил и позитивной энергии. Мне нравились их взаимоотношения, открытость, чувство юмора. Они казались мне суперменами и заряжали меня оптимизмом. Я невольно слышал их разговоры, увлекательные дискуссии на различные темы, восхищался их эрудицией. Среди ребят были как гуманитарии, так и технари. У них все получалось необыкновенно легко и весело. Однажды я стал свидетелем их торжественного заплыва, посвященного проходам в армию одного из них. Все это выглядело очень забавно и смешно. Вот бы вернуть это время хоть на пару минут. – Михаил мечтательно вздохнул. – Как бы хотелось их увидеть. Кстати, после выпускного вечера и традиционной прогулки по городу мы ранним утром приехали на шиховский пляж.

За беседой новые знакомые слегка перекусили, поочередно выпили из термосной крышки чаю. Затем уселись загорать, подставив спины под лучи заходящего солнца. Сидели молча, как в детстве тесно прижав колени к груди и положив на них подбородок. Прошло достаточно много времени, прежде чем Джафар спросил:

– Когда вы собираетесь домой?

– Завтра, утренним рейсом.

– Тогда, наверное, пора по домам? Пойдем потихоньку.

– Нет, – ответил Михаил. – Я рассчитался с гостиницей, планируя переночевать здесь. До вашего прихода как-то взгрустнулось, даже пожалел о своем решении, но теперь убедился, что оно было правильным. Признаюсь, на душе тяжело. Вряд ли когда-либо доведется здесь побывать. Годы идут, безвозвратно удаляется прошлое. Время безжалостно унесло с собой мир, в котором мы росли. Забываются и его прежние обитатели с их житейскими радостями, достижениями, печальями, трудовыми буднями и проблемами. Переобувшимися на ходу псевдодемократами были жестоко извращены, казалось, незыблемые духовные ценности, над которыми сейчас откровенно глумятся андрюиды, взращенные на коррупционных схемах.

В словах Михаила послышались такие грустные нотки, что у Джафара на глаза навернулись слезы.

– Вот что, Михаил, – проговорил он, собравшись с мыслями. – Пожалуйста, поедем ко мне, поужинаем. Моя жена будет рада принять такого гостя. А утром я вас провожу в аэропорт.

– Спасибо большое. Мне очень приятно ваше приглашение, но я уже в предвкушении ночи воспоминаний. Прошу вас, не настаивайте и поймите меня правильно. Я много лет во сне и наяву мечтал вернуться сюда, посидеть на берегу и встретить рассвет.

Джафар понимающе улыбнулся. Они просидели дотемна, делясь сокровенными мыслями и обмениваясь воспоминаниями, как старые, добрые знакомые, встретившиеся после длительной разлуки. Распростились за полночь с ощущением какой-то особенной духовной близости. Добравшись домой, Джафар, несмотря на усталость, так и не смог уснуть. Его обуяло беспокойство за Михаила, как он там, на пустынном берегу, один ночью. Перед глазами вставало притихшее, тронутое легкой зыбью море. В ясном свете луны виделся силуэт сидевшего на скале человека, переживавшего заново давно прошедшие годы совершенно иной жизни, от которой у него только и остался этот клочок суши, омываемый морем.

Утром Джафар встретил Михаила у входа в аэропорт. Тот не удивился его приходу. Они обнялись, не в силах говорить. Прощаясь, оба с трудом сдерживали слезы, но были глубоко благодарны судьбе, подарившей им мимолетную, случайную встречу, которая, несомненно, останется в их памяти до последнего дня жизни.

Когда приходят клоуны

Промозглый, осенний вечер менее всего располагал к вечерней прогулке, но в полной мере соответствовал более, чем пасмурному настроению Акшина. Поэтому, прежде чем отправиться домой, он решил немного пройтись. Съездившись от сыпавшихся в лицо холодных дождевых брызг, он поднял воротник куртки и, надвинув на лоб берет, аккуратно обходя лужи, направился в сторону центра, с его яркими фонарями и светящимися витринами. Ему необходимо было развеяться, успокоиться. По мере возможности, отвлечься от беспокоивших его мыслей, гнетущего ощущения

неумолимо надвигающихся неприятностей, в которые втянулся по собственной вине.

Суть состояла в том, что еще при первом прослушивании и собеседовании с будущей ученицей у него сложилось впечатление бесперспективности предстоящих занятий. Но, видимо, подвела самонадеянность. После некоторых колебаний он согласился рискнуть. Повлияло также и предложение родителей девушки платить почти двойную ставку. Репетиторством, являвшимся существенным дополнением к зарплате в симфоническом оркестре, он занимался давно и имел заслуженную репутацию опытного педагога, неизменно успешно подтягивавшего абитуриента к критериям, предъявляемым консерваторией. Он начал курс с энтузиазмом, делая, казалось бы, невозможное, но усилия были тщетны. Понимание их безнадежности крепло день ото дня, не отпуская ни на минуту, в процессе уроков. Поступление в консерваторию по классу скрипки родители девушки, недалекие, но с аристократическими претензиями, рассматривали как удачную инвестицию в повышении статуса семьи в глазах окружающих. Терзаемый угрызениями совести, Акшин ходил на занятия, как на торгу, дивясь и недоумевая, как могли в музыкальной школе ставить этой девочке положительные оценки при отсутствии не только задатков таланта, но даже средних способностей. Ругая себя за нерешительность, мягкотелость и непоследовательность, более того, за беспринципность, он неоднократно давал себе слово поговорить с родителями начистоту и положить конец контрпродуктивному, бессмысленному делу. Но каждый раз почему-то не хватало решимости. Шло время, и он понимал, что оно работает против него. Надо отдать должное, ученица, в свою очередь, очень старалась, готовилась, ловила каждое его слово. Тем обиднее было сознавать тщетность их общих усилий. Ему казалось, что где-то в глубине души это чувствовала и девочка, но, вероятно, надеялась на чудо и его опыт. Долго так продолжаться не могло, недовольство собой росло. В этот раз он пришел на занятие с деньгами, полученными за два предыдущих месяца. Хотел их вернуть, извиниться, что вынужден прервать работу по состоянию здоровья, и попрощаться. Дома он настроил себя на это, но осуществить задуманное не смог, не собрался с духом.

Неизвестно, сколько бы времени Акшин еще бродил под холодным, морозящим дождем, кляня себя за нерешительность и изводя бесконечными построениями сценариев интеллигентного финала неприятной истории, если бы не случайная встреча с давним приятелем Фуадом, а попросту Фатиком. Тот, как, впрочем, и всегда, выглядел очень импозантно и пребывал в приподнятом настроении. Радостно поприветствовав Акшина, он, ни о чем не спрашивая и не давая опомниться, сразу вручил ему один из своих двух массивных пакетов и подхватил под руку.

– Как хорошо, что я тебя встретил. С лета не виделись, пойдём отметим это событие у моего друга. Это рядом, в следующем доме. Там и поговорим. Давай быстрее, мы уже опаздываем. Он художник и мой компаньон, человек творческий, нашего разлива. Приятнейший в общении, чудаковатый, тебе понравится.

Нерешительные попытки Акшина уклониться от приглашения Фатик беспечно игнорировал, увлекая его за собой, и тому пришлось не без некоторых колебаний подчиниться. Дверь им открыл мужчина примерно их возраста, с интеллигентным лицом. Приветливо улыбаясь, он поздоровался и пропустил их вперед. Оставив в прихожей куртки и головные уборы, они вошли в мастерскую, в которой царил богемная обстановка. Повсюду лежали холсты, кисти, тюбики с краской, стояли два мольберта разного размера, с холстами на подрамниках, висели картины, исполненные маслом и акварелью. У Акшина чуть не закружилась голова от обилия находя-

щихся в работе всевозможных карандашных эскизов, рисунков, графических набросков, портретов, пейзажей, натюрмортов. Не будучи глубоким ценителем живописи, он, тем не менее, интересовался ею, преклоняясь перед художниками, и атмосфера мастерской настолько очаровала его, что заставила забыть о своих тревожениях. Он с удовольствием разглядывал картины, сюжеты некоторых из них были узнаваемы, их приходилось видеть у книжного пассажира, где в течение целого ряда лет художники ежедневно выставляли свои творения на всеобщее обозрение и продажу. Тем временем Фатик, чувствувавший себя здесь, как дома, не теряя времени, сноровисто и со знанием дела разложил на журнальный столик принесенные с собой напитки и разнообразную закуску. Надо отдать должное, импровизированный стол получился на славу и выглядел довольно привлекательно.

– Что вы, соколы мои, пригорюнились, мы не на поминках, а на встрече друзей. Не вижу оптимизма в глазах и радостных улыбок, – бодро произнес он. – Кто бы знал, как меня утомила вечно ноющая творческая интеллигенция с ее нравственными переживаниями, амбивалентностью, повышенной чувствительностью, глобальными мыслями о человеческом бытии, смысле жизни и сострадании к ближнему. Все глупость, не уподобляйтесь рохлям и не грузите себя поиском истины, которой нет в природе. Все чушь. В два счета докажу вам свою правоту, основанную на собственном опыте и наблюдениях. Фатик говорил все это в обычной для себя шуточной манере, ироническим тоном, не оставлявшим ни малейшего шанса на какие-либо возражения. Он разлил по рюмкам коньяк, предложив выпить за удачу. Опустошив рюмку, с улыбкой обратился к Акшину. – Ну, добрый молодец, скажи, какая твоя кручина? Что мешает предаваться радостям жизни? Что тебя гложет? Поделись и облегчи мечущуюся душу. Быть может, в криминальной схватке отжал чей-то объект или не знаешь, как без потерь обналечить праведно нажитые тяжким трудом миллионы манатов, перевести их в доллары и спрятать в офшоре? Возможно, прихватив ненароком пару-тройку чужих предприятий, ведешь непримиримую борьбу с конкурентами, а может, просто задумал драпануть за рубеж от жестоко обманутых пайщиков? Не переживай, мы войдем в твое положение, сейчас нас уже трудно чем-либо удивить.

– Да о чем ты говоришь, какие там миллионы, объекты, обманутые пайщики, – отмахнулся Акшин и в двух словах, без особой охоты, поделился своими проблемами.

– Ну, вот, – торжествующе воскликнул Фатик. И его лицо расплылось в широкой улыбке. – Ты интроверт, сделавший из мухи слона и распустивший нюни. Теперь с наслаждением страдаешь за свои и чужие глупости.

– Почему вдруг глупости? – задетый его тоном возразил Акшин.

– Да потому, что глупости, все надо называть своими именами. Хочешь, я с успехом заменю тебя, и все пройдет на высшем уровне. Но уверен, это тебе не поможет. Ты найдешь другую причину винить себя и продолжать мучиться оттого, что мир не совершенен. Юсиф такой же, – кивнул Фатик в сторону художника. – Скука с вами зеленая. Давайте-ка по второй. – С удовольствием выпив коньяк, он продолжил. – Судя по оплате, отец твоей ученицы крупный коммерсант или чиновник. Позволь узнать, на какой ниве он изволит самоотверженно трудиться? – услышав ответ, Фатик разразился насмешливой тирадой. – Ну, ты и чудак. Страдалец ты мой законченный. Она не поступит! Она не поступит! – передразнил он Акшина. – Ну, что я говорил, – обратился он к молчаливому художнику. – Ты ответь, не стыдно ему? Фортуна улыбается ему во весь рот, а он канючит, проявляет недовольство. Даю голову на отсечение, эта девочка запросто поступит и без твоих уроков. Деньги и положение отца – самый

весомый аргумент. Никто не посмеет обвинить ее в бездарности. Прекрати ныть, продолжай как ни в чем не бывало ходить на уроки, отдыхать и непрестанно хвалить ее за талант. Полученные деньги трать без зазрения совести и воспринимай, как разумную компенсацию за потерю времени. Ради тебя я бы взял на себя это тяжкое бремя, но боюсь, что Фортуна, дама капризная, у нее характер изменчивый, обидится и повернется к тебе спиной. – Наполнив себе третью рюмку, Фатик выпил ее содержимое и продолжил с долей астеизма свою полную сарказма речь. – Вас, друзья мои, мучает комплекс неполноценности, неосознанной вины и ответственности интеллигенции за состояние дел в современном обществе. Все мура, традиционные предрассудки субтильных интеллектуалов. От них необходимо безоговорочно избавляться. Акшин, мы вместе учились в музшколе, в которой я, по настоянию родителей, промучился семь лет. Волею судьбы пришлось мне с грехом пополам закончить и художественное училище, кстати, в одной группе с тобой, Юсиф. Сами понимаете, могу с полным основанием говорить, что оба эти направления искусства я успешно освоил в той или иной степени. Но, разочаровавшись в них, проливая горючие слезы, безжалостно закопал свой бесспорный талант. Поступив в финансовый институт и блистательно вылетев из него, я окончательно понял, что жить и относиться ко всему надо проще. Решил не связывать себя каким-то одним конкретным занятием. На этом поприще многое пришлось перепробовать эмпирическим путем. Начинал с распространения гербалайфа и разъяснений его пользы, потом поставлял корм для домашних животных, занимался всеми видами дизайна, в том числе ландшафтного, изобретал всевозможные услуги, торговал всем, что позволяло законодательство. За это время я многое перевидал и сделал для себя главный вывод, что руку надо держать на пульсе и чувствовать ритм времени. В основе всего идея, своего рода квинтэссенция взаимозависимости спроса и предложения в условиях рыночной экономики. – Опрокинув очередную рюмку, Фатик обратился к Юсифу. – Ты, бесспорно, талантливый художник, но прозябал на улице со своими картинами, стеснялся, краснел, когда с тобой торговались, и уступал их за смешные деньги, радуясь малейшему заработку. А ведь трудился, как на барщине, еле сводил концы с концами. Мне понадобилось приложить минимум усилий, провести маркетинг, и все изменилось. Бык был схвачен за рога, и твои работы пошли на поток. Сейчас у тебя нет отбоя от выгодных заказов. Обзавелся квартирой, собственной мастерской. Хронически недовольная жена словно переродилась, довольна жизнью. Прежде не хотевшие знаться родственники с ее стороны бегают вокруг тебя, как в хороводе. А ты все также сумрачный, сидишь с потерянным видом, напоминаешь царевну-несмеяну. Распрямись, ощути себя хозяином положения и дай понять это другим. Э, да что с вас, непонятых гениев, взять. Очнитесь, прочувствуйте до конца, в какое время вы живете. Вы думаете, я лишен честолюбия и не хочу оставить свой след в мировом искусстве. Ничуть не бывало. Как только у меня появится свободное время, создам шедевр не хуже Малевича и нарисую белый треугольник. Дам почву для глубоко научной полемики мудрых искусствоведов.

Он хотел еще что-то добавить, но неожиданно отвлекся, основательно занявшись приготовлением себе нескольких бутербродов. Воспользовавшись случайной паузой в разговоре, Акшин встал и остановился возле одной из картин. Художник не замедлил присоединиться к нему.

– Не желаете ли взглянуть на полностью завершенные работы, они в соседней комнате, – предложил он. Стены второй, небольшой комнатки до самого потолка были увешаны портретами.

– О, тут целая портретная галерея, – изумился Акшин. Со всех сторон на него смотрели спесивые, надменные мужчины в штатской одежде, костюмах, фраках, смокингах и в униформе с погонами, аксельбантами, многочисленными наградами на груди. Под стать им были и дамы, обвешанные роскошными драгоценностями, претенциозно одетые, с высокомерными взглядами. – Элита, – произнес после некоторого раздумья Акшин, обернувшись к художнику. Тот уловил его злую иронию и в тон ему ответил:

– Еще какая, доморощенная, самопальная. Когда они чванливо позируют, я чувствую то же самое, что и вы, слушая скрипичные перлы своей бездарной ученицы. Сколько в них отвратительного жеманства, высокомерия, экзальтированности. И, самое противное, это завышенная самооценка, возвращенная на огромных деньгах, крайнем невежестве и духовном убожестве. Я благодарен Фатику, подсказавшему мне эту идею и по сути раскрутившему ее. Несомненно, занятие довольно выгодное, но полностью выхолащивающее мысли о творчестве. До этого я довольно продолжительное время рисовал виды старого города, лошадей у берега моря, горные водопады, речки с оленями на берегу. По качеству обычная мазня, но разбирали. Новые хозяева жизни возводят огромные виллы, обзаводятся квартирами площадью с футбольное поле. Стен много, и их надо чем-то драпировать. Фатик предложил оставить в покое прежние, как он выразился, лубочные картинки и перейти к портретам, которые котируются выше и стоят гораздо дороже. Согласитесь, приятно вчерашнему мелкому предпринимателю или функционеру, круто взлетевшему вверх по социальной лестнице, лицезреть свое вельможное изображение на холсте в массивной, резной, золоченой багетной раме. Это же прямое свидетельство, что жизнь состоялась. Они раздуваются от удовольствия, жаждут величия, упиваются своей значимостью. Противно до рвоты, но, как любит повторять наш общий друг, кто платит деньги, тот заказывает музыку. Я человек не конфликтный, но, когда совсем не могу, позволяю себе слегка подтрунить. Представляете, предложил одному деятелю пририсовать еще одну звезду на погоны, все равно ведь получит. И что вы думаете? Согласился без зазрения совести.

Завязавшуюся беседу прервал подошедший Фатик. Опустошив в гордом одиночестве бутылку коньяка и вкусно закусив, он чувствовал себя на подъеме.

– Все еще продолжаете увлеченно полемизировать о смысле жизни? Негодуете по поводу сбившейся системы координат человеческого измерения? Лучше вслушайтесь в ритм современной жизни. В воздухе витают меркантильность, расчет, статусность. Задумайтесь, как прибыльный шоу-бизнес безжалостно вытесняет истинное искусство, и не нам с вами идти против течения. Надо трезво воспринимать все это и спокойно заниматься тем, что приносит деньги. Могу вас успокоить, в этом направлении у меня масса идей. К примеру, я задумал новый проект, кстати, исходя из страстных пожеланий публики. Думаю, нам стоит приступить к изготовлению родовых гербов для нуворишей, сочинять и дарить им развесистые генеалогические древа. Акшин, я надеюсь, ты тоже поучаствуешь в этой работе? Займемся поиском в глубине веков родовитых предков нынешней неповторимой элиты. Заверяю вас, преинтереснейшее занятие – облагораживать ближних своих. Естественно, как водится, любой каприз за их деньги. Я предвижу твои возражения, Юсиф, и они напрямую связаны с твоей закомплексованностью. Ты ехидно спросишь: откуда мы найдем нужные сведения, информацию о предках клиентов? Я отвечу, не задумываясь: в полете нашей творческой фантазии! Смелее глядывайся в минувшие столетия и без оглядки изображай предка твоего клиента, к примеру, рядом с адмиралом Нельсоном на мостике боевого корабля или обменивающегося рукопожатием с Наполеоном во время битвы под Аустерлицем,

консультирующего Бальзака на раннем этапе его творчества, запросто музицирующим с Моцартом. В конечном итоге, если потребуется, одень в доспехи римского военачальника. Ты себя недооцениваешь, Юсиф. Посмотри, какая у тебя прекрасная галерея портретов. Ты уверенно идешь по стопам Ганса Макарта или, по меньшей мере, Константина Маковского, получивших известность благодаря портретам знати. Можно даже сравнить тебя с Джорджем Доу и его портретной галереей героев 1812 года. Как ты находишь, Акшин, – с лукавой улыбкой спросил Фатик.

– Вот еще, сравнил, – с неудовольствием возразил Юсиф. – Они выдающиеся художники, а в моем активе лошадки, резвящиеся у моря и ряженные.

– Ну и что, – невозмутимо перебил его Фатик. – В очередной раз повторяю: надо быть реалистом. Ты пойми, в жизни, как на арене. Выходит красавец-атлет, покоряет всех своей силой, мужеством, ловкостью, способностью совершать то, что другим не под силу, одно слово, герой. Его провожают овациями, восторженными аплодисментами. Потом наступает пауза, и выходят клоуны. Их место на арене в отсутствие героев... Ты рисуешь то, что имеешь.

Акшин с Юсифом переглянулись. Последняя фраза приятеля произвела неожиданно сильное впечатление. Проникшись ее смыслом, они, как по команде повернулись в сторону Фатика, а тот, тем временем нетвердыми шагами дойдя до кресла, уселся в него и мирно задремал.

Бескомпромиссный борец

Маленькая, щуплая, бедно одетая старушка, видимо, очень волновалась, говорила сбивчиво и торопливо, но он с первых же ее слов понял, о чем идет речь, и, осторожно пригубивая горячий чай, снисходительно посматривал в ее сторону. Посетительница, с трудом скрывая свое неподдельное возмущение, рассказала о том, как в их микрорайоне, во дворе многоэтажных домов, приступили к строительству громоздкого торгового объекта и в связи с этим собираются вырубить большое количество деревьев. Она просила его, как высокое должностное лицо, вмешаться и пресечь это варварство, напомнив, что городские власти неоднократно заявляли о своем намерении решительно и бескомпромиссно бороться с незаконным уничтожением, самовольной вырубкой зеленых насаждений.

– Не волнуйтесь, – успокоил он ее, – мы наладили должный контроль на местах и нетерпимо относимся к малейшим нарушениям. Никогда не допустим самоуправства. Деревья – наше общее богатство, и покушаться на него никому не позволено. По названному вами адресу никакой вырубki не планируется. Я в курсе дела. Там всего с десяток старых, больных, полусгнивших деревьев. Они свое уже отжили, и их уберут.

– Как десяток? – всплеснула руками старушка, и губы ее задрожали. – Что вы такое говорите? Там не менее сотни деревьев, и ни одного старого, полусгнившего: тополя, сосны, дубки, инжир, тутовник, вечнозеленый кустарник. Мы всем двором, целыми семьями сажали, десятилетиями ухаживали. Посмотрите, какую красоту создали, настоящий парк, – она указала рукой на лежащие фотографии.

Он, лениво взяв их, недоверчиво посмотрел одну за одной всю пачку. Его квадратное, одутловатое лицо побагровело, он еще раз уже более внимательно их перебрал и, подняв глаза на собеседницу, не сдержавшись, со всего маха, зло ударил по столу кулаком.

– Обманули, подлецы, никому нельзя верить на слово! Забыли о совести, только про свой карман думают. Вот и доверяй людям после этого. Невозможно работать, одно жулье. Ну, я им устрою! Это им дорого обойдется! Спасибо вам, что общили мне, поверьте, все они будут наказаны.

Не обращая абсолютно никакого внимания на посетительницу, он стал лихо радочно просматривать небрежно разбросанные на письменном столе деловые бумаги, разыскивая листок с записью, сделанной во время беседы с владельцем строящегося объекта. Наконец, найдя его, мстительно хмыкнул, увидев, что там стояла цифра десять, а напротив другая – трехзначная. Отложив листок в сторону, он закурил, затем, схватив мобильный телефон, несколько раз подряд набрал номер, но, не дозвонившись, поручил секретарше срочно вызвать кого-то из подчиненных. Тот практически мгновенно предстал перед ним с напуганным лицом, и хозяин кабинета, перейдя на крик, приказал немедленно ехать по указанному адресу и пересчитать каждое дерево во дворе.

– Если ошибешься хоть на одно, выгоню с работы! – разъяренно бросил он ему вслед. Старушка с благодарностью глядела на него. Бурная реакция чиновника такого ранга на происходящее ее приятно удивила и обрадовала. Прощаясь, она сердечно поблагодарила его за бескомпромиссность к нарушениям и внимание к обращениям людей. – А как же иначе, – напыщенно ответил он. – Пока я курирую этот важный участок, так и будет, не сомневайтесь. Борьба с нарушителями будет столь же бескомпромиссной.

Старушка ушла и через час с удовольствием, в подробностях делилась впечатлениями с соседками о своем удачном визите на прием к ответственному лицу и о его принципиальной реакции.

– Вот видите, а вы говорили, жаловаться бессмысленно, все делается в сговоре с продажными чиновниками, и все куплено, – не уставала повторять воодушевленная старушка. – Я еще раз убедилась, свои права надо и можно отстаивать законными методами. Представьте себе, этот руководитель даже поблагодарил меня за мою социальную активность и своевременный сигнал. Будьте уверены, наш двор в безопасности, успокойте всех соседей. Теперь уже наверняка никто не посмеет безобразничать.

Тем временем хозяин кабинета не находил себе места, со жгучим нетерпением ожидая возвращения своего подчиненного, и когда тот только успел показаться на пороге, громко воскликнул:

– Ну, что? Почему так долго возился?

– Ваше указание выполнено. Там сто семь деревьев, – ответил тот почтительно, растянув губы в улыбке. – Я пересчитал и каждое сфотографировал.

– Так, – хлопнул по столу ладонью хозяин кабинета, – обмануть меня решили. – Он протянул листочек бумаги с номером телефона и угрожающе произнес. – Сейчас же позвони от моего имени по этому номеру и предупреди, что у нас есть схема посадки деревьев в этом дворе, и если срубят хоть одно, самое маленькое, им несдобровать, мы составим протокол и передадим, куда следует, их призовут к судебной ответственности. Они узнают, с кем имеют дело. – Смерив недовольным взглядом подчиненного, он наставительно сказал. – Иди и запомни, надо уметь работать с населением, знать ситуацию на местах и правильно реагировать на жалобы и заявления.

На следующий день, после утомительного, трехчасового ожидания в приемной к хозяину кабинета был допущен владелец строящегося торгового объекта. Робко

ступая, он вошел на полусогнутых ногах, с виноватым выражением лица и сразу пустился в длительные, невнятные объяснения своего сложного материального положения, жалостливо бубнил о трудностях бизнеса и униженно, буквально слезно, просил извинения за невольно причиненное беспокойство, ссылаясь на своих недобросовестных помощников, неправильно посчитавших деревья. Хозяин кабинета, не считая нужным сдерживаться, дал полную волю своему сильнейшему негодованию. Он рвал и метал, осыпая просителя градом оскорблений и упреков.

– Ты, ишак, думаешь, я тебе поверил, когда ты врал, что во дворе всего десять деревьев и сунул мне мелочь. Я просто проверил, что ты за человек, и можно ли с тобой иметь дело? Вот, у меня записано, что там сто семь деревьев, и я это отлично знал. У меня составлена схема и имеются фотографии. Я хотел проверить степень твоего крысятничества и непорядочности. Ты меня решил кинуть, теперь я подожду, попробуй тронь хоть одно дерево, сразу попадешь в тюрьму, и никакой стройки. Зеленые насаждения – это общее достояние. Давай, иди отсюда!

Посетитель съезжился, втянул лысую голову в плечи, взмахнул руками, жалобно сморщился и плачущим голосом попросил войти в его бедственное положение, опасно протянув конверт с деньгами. Небрежно подвинув к себе конверт, хозяин кабинета, послунявив пальцы, пересчитал купюры и с оскорбленным видом вернул его обратно.

– Ну, ты, наглец, не стыдно тебе, а штраф за обман? Давай еще столько же или уходи! Когда ты меня обманул, я дал себе слово, что накажу тебя и заставлю за каждое дерево заплатить вдвойне. Не нужно торговаться, никаких компромиссов быть не может. – Достав сигарету и щелкнув зажигалкой, хозяин кабинета глубоко-мысленно произнес, глядя в потолок. – Тебе должно быть известно, что зеленые насаждения – это огромное богатство города, в них вложен труд тысяч людей, а ты ради наживы лезешь сюда со своей жалкой торговой точкой, нарушаешь экологию и покой граждан.

Посетитель, слушая его речь, тупо уставившись, перед собой что-то подсчитывал и шевелил толстыми, пересохшими губами, затем сглотнул слюну и обреченно полез во внутренний карман пиджака, понимая, что без денег компромисса не достичь, и деревья продолжают жить на радость людям.

...Когда через какое-то время несказанно огорченная, обманутая старушка после долгих мытарств, наконец, пробилась к нему на прием и, глядя в глаза, спросила:

– Как же так? Вы же обещали?

Он ничтоже сумняшеся, натужно сопя, привстал, перегнулся через письменный стол и, понизив голос, заговорщицки хрипло прошептал:

– Я, как и обещал, боролся бескомпромиссно, изо всех сил, но вы же знаете, в каком мире мы живем, дело решилось через мою голову.

Он грузно опустился на стул и, многозначительно подняв указательный палец вверх, страдальчески сморщился.

Старушка расстроено вздохнула, испытывая неловкость перед этим человеком, горячо поддержавшим ее, вступившим в бескомпромиссную борьбу за спасение деревьев и наверняка поэтому пережившем серьезные неприятности. Сочувственно посмотрев на него, она извинилась за причиненное беспокойство и, попросившись, не поднимая головы, вышла из кабинета.

«Отрывок из задуманного» – так обозначил предложенный редакции материал известный прозаик Надир Агасиев. Именно из задуманного – не из написанного. Объяснение здесь простое: задумок у него множество и все очень любопытные – он умеет увидеть обычное, казалось бы, явление в ракурсе, в каком остальные его не видят, подметить то, чего другие не замечают, и уложить это – не в сюжет даже, а в некий литературный пазл, который ему – это ощущаешь при чтении его прозы – было увлекательно складывать, а читателю, соответственно, интересно рассматривать. Проза его действительно складывается как бы из зеркальных осколков, в которых отражается реальность, переплетенная с фантазией – воспоминания автора из минувшего, их философское осмысление, то, что было, и чего не было, но могло бы – или не могло бы – быть в его жизни. Но для того, чтобы все это сложилось и уложилось в задуманный автором пазл, задуманное должно стать продуманным, и лишь потом лечь на бумагу. Агасиев – автор вдумчивый, он не торопится поскорее выплеснуть на бумагу и обнародовать свои мысли и чувства. Но когда это все же, наконец, происходит, читатель может насладиться настоящей, крепко сбитой прозой, не клишированной не банальной, а очень своеобразной – агасиевской.

«Отрывок из задуманного» публикуется в ноябрьском номере «Литературного Азербайджана» не случайно: в ноябре у Надира Агасиева юбилей – ему исполняется 70 лет. Знаменательная и славная дата! Время, когда за плечами огромный жизненный багаж и, значит, есть чем поделиться с читателями. Тем более, что у Надира Агасиева это здорово получается.

Коллектив редакции журнала «Литературный Азербайджан» поздравляет нашего автора и коллегу с 70-летним юбилеем и желает ему здоровья и еще многих лет в литературе, творческих успехов и новых литературных пазлов, которые мы с нетерпением будем ждать.

НАДИР АГАСИЕВ

Отрывок из Задуманного

*Он тот, кто ведет нас во мраке суши и моря,
и кто посылает ветры радостной вестью
пред своим милосердием.*

**Коран в переводе Крачковского
Сура 27. Муравьи**

Идея эта зародилась во мне тридцать лет и три года назад от дружеского участливого упрека. Мы втроем: А.Г., И.Д. и я сидели в кафе у самого моря, на нашей бакинкой «Венеции». Официант сервировал стол.

«Что ж ты, милый мой, такой переполненный-то ходишь?» – спросил А.Г. Ответа от меня не требовалось, просто надо было прислушаться.

Я действительно был переполнен, не мог пересилить себя, заставить что-то сесть писать. Хотя я писал, писал везде – в метро, в автобусе, дома, лежа на диване, писал не «в стол», а «в себя», в голову светлую свою, писал и каждую минуту мог быть со всем своим «написанным», с которым, считал, вовсе необязательно с кем-то делиться.

«Откуда вы знаете, А.Г.?»

«А это видно, – ответил он. – Надо, милый ты мой, сесть писать, опустошаться!»